

***

Если Моцарт внутри –
замолкает небесная птаха,
и Бетховен расслабиться может
в компании Баха.

Соловьиные трели
подобны звучанию дрели,
и в сторонке сидят
шансонье, песняры, менестрели.

Если Моцарт внутри,
там не будет свободного места,
и лишится печаль
своего обжитого насеста,

и лишится любовь
постоянства, пространства, угла.
Там, где Моцарт,
и дня не стояло, и ночь не легла.

***

Вот этот лес, остывший к ноябрю,
уставший за год,
оставил куст рябины воробью –
горчащих ягод,

перетряхнул опавшую листву,
вздыхая тяжко,
и разошлась тропинками по шву
его рубашка.

Как воробей, продрогший на ветру,
лишённый веса,
я в эту зиму также не умру,
гнездясь у леса,

где пролетарским хлебом на крови
горчит рябина,
благословенна, что ни говори,
неистребима.

***

В каком-нибудь избыточном раю,
где днём и ночью зреет чечевица,
зима наперекор календарю
к началу майских праздников
случится,

появится отчаянно, легко,
внезапно, как желание проснуться,
стуженное польётся молоко
из облака, похожего
на блюдце

изогнутого облака, – и тут, –
пяти-, шести-, семиконечный атом
блеснёт своим божественным
распадом,

и сызнова прокладывать маршрут
заснеженные мальчишки пойдут
по самой белой площади
парадом.

***

С миру по нитке – и будет стежок,
с миру по строчке – напишешь стишок,
с миру по теме и можно к поэме
самый широкий добавить штришок.

С женщины каждой – по ласке одной,
с каждой дороги – вернуться домой.
Как ни ругаюсь, всегда под ногами
крутится, вертится шарик земной.

С друга – монетку, а с недруга – две.
Все как один растворимся в траве.
В солнечном свете поднимется ветер,
будто несчастья в моей голове.

Пусть голосит распечатанный рот,
как на гулянке предвечный народ,
лишь бы, покамест со всеми ругаюсь,
шарик земной совершал оборот.